

Сов. молодежь. - Рига. - 1990. - 7 апр. - с. 4-5.

Лайма Вайкуле:

«ХОЧУ БЫТЬ ПОПУЛЯРНОЙ ВО ВСЕМ МИРЕ»

— Давайте встретимся с вами где-нибудь в центре города, — сказала мне Лайма по телефону. — А поклонники на вас не будут бросаться? — Ну что вы. В Риге вообще более воспитанные люди. Даже если замечают... Они замечают, и ладно.

С разговора о поклонниках и началась наша беседа.

— Бывают ли какие-то инциденты с ними?

— Всякие истории бывают. Есть люди, которые просто преследуют: звонят, приезжают домой, караулят, подарки дарят. Ужасно! Мне не нужно всего этого! Но, конечно, есть и другие люди, которые считают нужным преподнести цветы на концерте или написать хорошее, доброе письмо — вот это нормально.

— А какие у вас взаимоотношения с прессой, с журналистами?

— Есть определенный журналист, с которым приятно работать, а есть такой, который просто приходит и говорит: «Расскажите о себе». И тогда, конечно, разговор не получается, потому что... Ну не люблю я о себе рассказывать!

— Ваше перевоплощение на сцене поражает — женщина во всех ее ипостасях. А какой из этих образов ближе вам самой?

— Мне кажется, что представление обо мне вполне можно составить после моего концерта, правда, не телевизионного. А самое главное для меня — быть искренней, не врать публике. Я хочу соответствовать своему образу жизни.

Скажем, за границей певцы, которые поют тяжелый рок, не ездят на «мерседесах». Они пользуются мотоциклами, живут в определенных условиях, и поэтому их музыка совершенно искренняя — это о них. А у нас много певцов и певиц, которые пытаются быть настоящими роковыми исполнителями, и при этом любят крепко поесть, поспать на дорогой постели и ездить на дорогой машине. И это несоответствие сразу чувствуется на сцене.

— А что любите вы? Вы бы отказались от дорогой машины, красивого антуража?

— Для меня не имеет никакого значения красивая машина. Единственное, что бы я хотела для себя, — просторный дом, чистый, хорошо устроенный, и огромный сад вокруг него. И чтобы, конечно, у меня был садовник и я могла ему помогать. Вот это моя мечта, и, может, если не повезет, этим все и закончится.

— А где бы вы хотели иметь этот дом?

— Мне было бы приятно, чтобы у меня был дом у Балтийского моря и еще где-нибудь в Калифорнии, куда я могла бы поехать в январе погреться на солнышке.

— Мы не могли встретиться с вами почти год — постоянные гастроли, поездки... Вас устраивает такой кочевой образ жизни?

— Да, наверное. В детстве я ходила в круглосуточный садик. Это отучило меня от дома. А потом с 16 лет гастроли. Это я, мой образ жизни. Хотя всегда приятно приезжать домой, вообще иметь дом. Это необходимо.

— Полгода вы работали в Америке. Вы изменились после этого?

— Мне кажется, что да. Во всяком случае, я стала думать о себе и обо всех остальных то, что раньше в голову не приходило.

— И что же вы стали думать?

— Очень жалко, что мы такие дикие — все, и я в том числе. Стало немножко страшно жить у нас, потому что люди такие злые. Раньше казалось, что так везде, наверное... Но Америка — полная противоположность. Добрый, красивый, отзывчивый народ. Хорошо одетые, красивые поесте — это еще не все. Сколько приветливых взглядов на улице! Это просто замечательно! Я уже не говорю о том, что работать с американцами большая радость. Столько комплиментов в своей жизни не слышала. И это, конечно, вдохновляет — хочется лучше сделать, стараться изо всех сил.

— А вам не предлагали там остаться?

— Это несерьезно, и я никогда об этом ни с кем не говорила. Остаться мы везде можем. Ну и что дальше?

— Но у вас то наверняка было бы безоблачное будущее.

— Нет. Надо было бы опять все доказывать заново. И потом я, наверное, очень эмоциональный и романтический человек. Мне дорого все, что я имею. Остаться там мне даже не приходило в голову — я очень скучала по дому.

— Вероятно, после Америки вам трудно здесь работать?

— Разумеется. Помню, выступали мы в Олимпийском спорткомплексе в Москве. А концерт был телевизионный — значит, петь под фонограмму. Мою нужно было переиграть на другую скорость. Для этого в «Олимпийском» есть специальные люди, которые получают за это зарплату. Выяснилось, что для них это такая проблема... Я просто устроила скандал. Такая злость разыгралась — это наше, советское качество — и вырвалась фраза: «Вы просто жлобы! Вы работаете для меня, а не я для вас!»

— Ох... О чем мечтаю... Если говорить о работе — хочу стать популярной во всем мире. Даже не мечтаю — это моя цель. Ну, а мечтаю я каждый день о таких мелочах, которые просто несуществимы. Но сочинять что-нибудь для себя я люблю.

— Вы начинали работать в ресторане...

— Нет, я начинала на большой сцене. Восемь лет на гастролях с роковыми ансамблями. А потом мне все это надоело — наша неустроенность, псевда, гостиницы, разбитая аппаратура, свет, которого не было... А в Риге я могла в маленьком баре иметь свой дом, который был как-то оборудован. Я не зависела от других. И меня это устраивало: быть закрытой в своей скорлупе и никого чужого не подпускать. Я так устроена — желанных людей и сложностей не касаться.

— Но разве этого добра было мало в ресторане?

— Нет, минусы были. Но меня в то время, так же как и сейчас, интересовало творчество. А тогда, 10 лет назад, его уровень мог быть выше в ресторане, чем на сцене, потому что мы пели любовную музыку. Худсоветы не вмешивались — что там ресторан, пусть они там с ума сходят. Я уже тогда пела замечательную американскую музыку, слова которой сама переводила на латышский язык, песни Раймонда Паулса. Это была качественная музыка, качественная аппаратура, качественный свет, костюмы...

— Но пьяная публика вокруг. Наверное, это не очень приятно...

— Вы знаете, мне повезло. Я выступала в ресторане в то время, когда люди нарядные приходили и завладевал имел какую-то власть над публикой, отсеивал ее. Иногда, конечно, что-то случалось, но ведь и в концертном зале бывают полные идиоты.

Самое ужасное для меня было в ресторане — это то, что каждый день нужно было приходиться на одну и ту же сцену, в один и те же стены. Но я не помню, чтобы это было нечто такое унижающее. Нет.

— То, что вы поднялись так высоко, — это везение, случайность, закономерность?

— Никогда и ничего не бывает случайным. Что-то вам Бог или природа подарили, но это все. Как вы

ими распорядитесь — это уже ваше дело. Та же «Юрмала» или любой другой конкурс — он дает шанс, и затем уже видно: человек может или нет. Меня часто спрашивают: «Как вы относитесь к тому, что «Юрмала» певцов своих поднимает и бросает?» Что значит бросает? Им дали шанс — а теперь работайте. А те, которые так и не пошли дальше, они не достойны были даже этого шанса. Зря их отвлекли. Нужно отдавать очень много сил, забыть обо всем на свете, даже о личной жизни. И только трудиться, чтобы выплыть.

— Вы верите в Бога?

— С религией у меня сложные отношения. Иногда я очень верующая, а иногда об этом просто забываю. В церковь (католическую) хожу, когда надо за что-то поблагодарить или что-то попросить. В последнее время это случается довольно часто. Я ставлю свечку — за умерших, за живых, за близких, за себя — и думаю о самом сокровенном.

— Помогает?

— Кажется, да. Во всяком случае, на душе становится легче.

— Какой вы видите себя в старости?

— Я как-то о ней не думаю. Я не верю, что проживу долго.

— Насколько я знаю, вы солистка Бакинской филармонии...

— Уже нет.

— Но как это получилось?

— Очень просто. Когда в один прекрасный день у меня вызрело самолюбие и мне захотелось уйти из ресторана и создать независимый коллектив, я обратилась к некоторым людям в Риге с просьбой помочь мне. Эти люди пришли ко мне в ресторан, посмотрели программу, сказали, что все это замечательно, прекрасно, но для того, чтобы помочь мне с созданием коллектива, им нужно посоветоваться с КГБ. Ну, а чуть позже мне сообщили, что я неблагонадежна.

Это было ужасно обидно, мерзко, несправедливо. Что могла натворить девушка двадцати с небольшим лет? Как мне потом сказали, никаких претензий ко мне со стороны КГБ не было. Просто на каком-то среднем уровне я кому-то насолила или не понравилась. Если бы не мой настырный характер, я бы ничего не стала затевать. Но я решила: я докажу, что достойна того места, которого добивалась, и уехала работать со своим коллективом в Хаммеровский центр в Москве. И уже там я получила приглашение от Бакинской филармонии работать у них. В Баку я была всего два раза, зарплату мне привозили — я просто числилась там. В то время многие так делали.

— Им это было выгодно?

— Конечно, ведь я приносила огромный доход. Боюсь соврать, кажется, несколько сотен тысяч в квартал. То, что Риге не нужно было.

Потом меня страшно злили эти вопросы или даже реплики в мой адрес, что я «экспортная» певица. Да наоборот же, я рекламировала Латвию. Я была в городах, где не знают, что это такое, что такая Рига вообще существует.

А сейчас я ни при ком. Я совершенно самостоятельна, собираюсь основать в Латвии собственную фирму и доказать, что, работая от Латвии, тоже не подкачаю.

— А что будет из себя представлять эта фирма?

— Не хочу загадывать, потому что идей очень много, а я боюсь говорить о чем-

то, чтобы не получилось так же, как в прошлый раз. Еще кто-то на каком-то непонятном уровне... Мне не хочется больше ни с кем бороться.

— Вы думаете, что у вас по-прежнему будут проблемы?

— Понимаете, еще не вымерли те люди, кстати, все они латыши, которые эти проблемы создавали. И я уверена, что они опять хорошо устроятся — то ли в Народном фронте, то ли в другой организации. У них всегда будет теплое место. И это очень опасно.

— Вы интересуетесь политикой?

— Конечно. Наверное, сегодня людей равнодушных не осталось. Если бы надо было куда-то вступить, наверное, я бы вступила в Народный фронт. Я — латышка. Мне, может быть, там много не нравится, с чем-то я не согласна, но я хочу идти вперед. Я та сумасшедшая латышка, которую волнует участь ее страны.

— А что, кроме работы, есть в вашей жизни?

— Кроме работы — моя работа, потому что она заполняет каждую клеточку в моем мозгу и каждую минуту в моем времени. Но если есть какой-то момент, я, конечно, рвусь к друзьям, стремлюсь побывать на природе.

— Но у вас есть хотя бы огород?

— У меня пока нет ничего. Я просто надеюсь, что тот же Народный фронт не даст этой несправедливости существовать дальше — я говорю не о себе. Меня раздражают эти разговоры, как бороться против Народного фронта. Это сумасшествие. Кем бы мы ни были — латышами, русскими, евреями, белорусами, — мы должны объединиться в своей Латвии и бороться за то, чтобы никто не был здесь угнетен. Знаете, меня в детстве обзывали «лабучкой». Доставалось и немцам, и евреям. Так что можно понять латыша, который на эмоциях выкрикивал лозунги против русских. Но что же делать? Нам всем сейчас плохо. И нам нужно создать такие законы, которые, как в Америке, не позволяют унижать друг друга. Я — за Народный фронт. И не только потому, что сама латышка. Я хочу, чтобы мои племянники жили лучше.

— Кажется, мы увлеклись политикой. Расскажите лучше, как вы боретесь с морщинами.

— Я не борюсь с ними. Я просто не пью, не курю и немного смотрю за собой.

— А как вы поддерживаете форму?

— Я все делаю: и гимнастику, и массажи. Было бы время, здоровье, занималась бы этим больше. И еще нужен стимул.

— Разве его у вас нет?

— Есть, но для того, чтобы быть еще лучше, его недостаточно. Моя жизнь идет волнообразно. То вдруг я ничего не ем и занимаюсь таким самоизмощением, изнурением. Словом, мучаю себя, чтобы выглядеть лучше. А потом вдруг так много работаю и так много неприятностей, что я не могу лишиться себя бутерброда в 11 вечера, чтобы получить какие-то положительные эмоции. В Америке я могла держать диету, не есть — там были условия, фрукты и все остальное. И у меня был стимул — я должна была заключить контракт. А дома ничего этого нет.

— Есть ли у вас идеал мужчины?

— Мне интересен тот мужчина, который имеет свое дело. Вообще я не буду делить: мужчина — женщина. Меня интересуют талантливые и умные люди.

— Лайма, вы красивы, умны, талантливы, сейчас — на вершине успеха. Скажите, а этого достаточно для счастья? Что для вас в жизни самое главное?

— Вы знаете, я буду говорить, как старушка. Самое главное — иметь здоровье. С этого все начинается. Потом, наверное, для счастья... Счастье вообще такое словосочетание — это мгновение.

Как говорят американцы: «Сделаем так, чтобы наша жизнь состояла из этих мгновений». Я согласна с таким определением. А для того, чтобы этих мгновений было больше, нужно любимое дело, чтобы вокруг нас были любимые люди. Почему, скажем, так страдают наши эмигранты за границей? У них вроде очень вкусная еда, прекрасное окружение, но нет близких по духу людей, которых обычно находят еще в детстве или юности.

— Самые дорогие и близкие для вас люди?

— Мои родители, родственники, и, конечно, в коллективе есть люди, которые мне очень близки.

— Если вы напишете мемуары, какие люди или события будут там отражены?

— Во всяком случае, могу сказать одно: это будет моя исповедь. Мне не хочется ничего приукрашивать.

— Но там будет что-нибудь веселое?

— Да-да! И это тоже. Но грустного и трагического больше, чем веселого.

— Мне кажется, что у «звезд» проблем должно быть меньше, чем у обычных смертных.

— В чем-то меньше, а в чем-то больше: где найти на гастролях нормальное, неотравленное пропитание, проблемы звука, света, 30-ти человек, которые на меня работают. А кто этим будет еще заниматься? Каждый должен быть хозяином своего дела, а я считаю себя хозяином, поэтому все это волнует в основном меня.

— Где вы покупаете свои туалеты?

— Ну, это проблема. За границей я не могу купить, потому что, как бы это ни было смешно, это мне не подходит. Надо иметь своих художников. Очень много помогает мне Инга Драйзниеде. Когда такие люди вокруг тебя, это то, что надо.

— Что вы больше всего боитесь?

— Чтобы меня не подвело мое здоровье.

— Много ли у вас в жизни искушений?

— Да, конечно. И бороться с ними довольно трудно — не хочется лишать себя каких-либо удовольствий, поэтому иногда поддаюсь им. Люблю все сладкое, к примеру.

— Ваши отношения с популярными советскими певцами?

— Мы не устраиваем совместных банкетов, но отношения у нас замечательные.

— У вас очень мало концертов в Риге...

— Да, я только однажды здесь выступала. Может, это обидно на... КГБ (смеется). На самом деле я все готовлюсь. Я обязательно выступлю в Риге.

— Спасибо вам, и до новой встречи в Риге.

Инна КАНЕВСКАЯ.